

меты – будь то персональный компьютер или часы-будильник⁷. Не менее свободен он и поиске средств и способов именного означивания. Однако и здесь существует демаркационная линия, очерченная кругом допущений и адекватного понимания партнеров по коммуникации. Любопытные для наблюдения над тем факты дают уже упоминавшиеся нами популярные в Интернет-общении «*чники*» – псевдонимы, под которыми выступают респонденты письменных сообщений.

Псевдоним как условное антропонимическое обозначение удобен для реализации игровой модели поведения – здесь действует принцип маски, позволяющий номинатору с помощью условного именного знака войти в желаемый образ, примерить на себя любую воображаемую роль, и, оставаясь неизвестным с точки зрения обычного именования, предстать в предпочтительном свете. Простор для фантазии, какой открывается в связи с возможностью использовать различные графические системы, изначально задает условия для самых смелых экспериментов – от именных ребусов (*F@lс0n, 3A5AЯ*) до каламбурного расчленения (*De Kan, Великий Покемон Za-Ma-Chu*). Но и в этой лаборатории именного изобретательства складываются «привычки», регулирующие коммуникацию в «своей» среде, в число которых входит, в частности, пристрастие к английскому языку, и приоритет латиницы, с чьей помощью активно транскрибируется звуковой облик русских слов (*Lesha, Ryba*), – привычки, оправданные особенностями сферы компьютерного общения и разделяемые теми, кто к нему причастен.

М.Э. Рут

Номинация, наречение и имя собственное

В современной ономастике плодотворно разрабатывается идея разграничения естественной и искусственной номинации, предложенного Н.Д. Голевым и А.К. Матвеевым⁸ и детально обоснованного М.В. Голомидовой⁹. Принимая сложившуюся концепцию, позволим себе внести в нее некоторые коррективы.

Как бы ни осуществлялась номинация, она определяет отношение языка и действительности и предполагает совмещение процесса имено-

⁷ К именотворчеству нередко побуждает перенесение на предметы и наделение личностным смыслом частных зон жизненного пространства. Вспомним применительно к этому случаю *Саардам* – изразцовую печь, символ домашнего очага и драгоценного домашнего мира в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия».

⁸ См.: Голев Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Вып. 8-9. Свердловск, 1974. С. 88–97; Матвеев А.К. Топономастика и современность // Там же. С. 4–15.

⁹ См.: Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

творчества¹⁰ с процессом познания. Поэтому для номинации характерна «заинтересованность» в объекте, стремление отразить в имени те или иные свойства объекта, что не мешает окрашивать это отражение то в отсубъектные, то в ориентированные на адресата тона. Не случайно именно отобъектная мотивированность имен оказывается обычно в центре внимания ономастологов и ономастов.

Однако название объекта далеко не всегда предполагает его изучение (например, артефакт получает название тогда, когда все его свойства известны, поскольку спроектированы), а процесс создания имени может и не сопровождаться учетом известных признаков объекта с конечным выбором одного из них как номинативного. Тем не менее, поскольку наличие осознанная необходимость именования, объект получает имя, при этом им может стать как уже известное имя, выбранное из уже имеющихся обозначений реалии, так и совершенно новая лексическая единица, имеющая специальное назначение. Представляется продуктивным отграничить указанный случай от номинации и назвать его актом наречения.

Специфика каждого из указанных актов видится в двух параметрах. Во-первых, наречение в отличие от номинации, которая может носить спонтанный характер, всегда социально маркировано, т.е. включает в себя элемент социального договора. Во-вторых, наречение реализуется как оформление уже обработанного плана содержания, в то время как номинация осуществляется как часть познавательного процесса, предполагающего вербализацию нового знания об объекте.

При искусственной номинации¹¹ разделение номинации и наречения проявляется особенно ярко: познание объекта здесь обнажено стремлением создать его имя, происходит пересчет (нередко сопровождаемый оглашением) присущих объекту признаков, возникают варианты языкового воплощения этих признаков (т.е. идет процесс номинации), наконец, волевым актом (т.е. актом наречения) отбирается то языковое воплощение, которое представляется лучшим либо социуму, либо индивидууму, обладающему правом наречения.

При естественной номинации выделяемый в рамках номинативной ситуации номинат оценивается номинатором с точки зрения его свойств и функций, в ходе этой оценки идет стихийный отбор номинативных признаков, возникают окказиональные названия, отражающие те или иные параметры объекта. Для апеллативных имен обычен такой путь: в ходе бытования вариантных номинативных единиц в узусе одна из них

¹⁰ Мы принимаем термин, предложенный М.В. Голомидовой (см. ее статью в настоящем сборнике).

¹¹ Если использовать этот термин в том значении, в котором его обосновывает М.В. Голомидова, см.: *Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. С. 45–47.*

в конечном счете оказывается предпочтительной и закрепляется как новая языковая единица. При этом наречение как волевой акт обычно отсутствует. Для имен собственных наречение представляется обязательным. Так, например, в речи сельскохозяйственное угодье может быть названо по месту его расположения («Кому сегодня поле за *школой* пахать?»), по характеру его использования («За *парами* в лесочке парочку грибков уже нашла»), по размеру («На *маленьком* польке почто не пахнут еще?»), по актуальному пользователю («Васькино-то поле так и стоит не пахано, запил, паразит») и т.п. При полевых сборах микротопонимии сосуществование подобных номинаций нередко воспринимается собирателями как наличие ряда дублетных собственных имен. Между тем, как представляется, все эти номинации суть характеризующие именования, которые не становятся онама до тех пор, пока не возникнет социальная потребность в присвоении собственного имени объекту. Наречение может реализоваться как официальный акт – скажем, при составлении карты угодий, на которой каждый объект должен получить свое название. Тогда официальным лицом принимается решение о выборе одного из именовании как собственного, и социум принимает это имя (и только его!) в качестве такового. Вне такого решения имя собственное не признается «настоящим». Не случайными поэтому представляются встречающиеся в полевых условиях отказы информантов говорить о микротопонимах, отсылки к карте, которая есть в сельсовете (в конторе, в лесничестве и т.п.): «Мы названий никаких не знаем, вот у Ивана карта есть, он лесником был, там все как надо обозначено»; «Так у нас какие названия? Кто как хочет, так и назовет, а вот в конторе у них план есть, там все и написано, как надо» и т.п. Волевое решение может носить неофициальный характер, когда в качестве социума выступает семья: «Я не знаю, как по-настоящему название, а мы по-семейному, по-своему так зовем». Наконец, волевое решение может приниматься при непосредственном общении с собирателем (поскольку собиратель на этом настаивает): «Вот за школой еще есть маленькое полькё, ну, пиши *За Школой*». Отсюда большое количество недублируемых микротопонимов при полевых сборах.

Следуя за номинацией, используя один из результатов этого процесса, наречение может выступать и самостоятельно. Именно наречение, а не номинация выступает как акт создания имени, например, в антропонимии европейских народов, где главенствует традиция присвоения имени не из опыта, а из списка, и знание о существовании такого списка потенциальных имен еще не означает ни существования антропонимической системы, ни существования одного конкретного имени собственного. Можно говорить о наличествующих в языке особых единицах,

способных стать именами собственными, которые становятся таковыми только в результате акта наречения. Подобный «списочный» выбор возможен в любом классе собственных имен, поскольку всегда есть определенные традиции наречения. Например, при сборе микротопонимии собиратель нередко натывается на повторяющиеся системы именования полей: *Большое – Среднее – Малое, Верхнее – Нижнее – Среднее, Горное – Речное* и т.п. Наречение объекта становится более важным, чем процесс его познания, отражающийся в номинации, поэтому пользователь ономастической системы довольствуется «списочным» выбором. Именно этот факт порождает огромное количество ономастических дублетов в большинстве классов собственных имен. Актами наречения вне номинации присваиваются названия улиц (в отличие от именовании тех же объектов, сложившихся в результате номинативного отбора, ср. например, название *Лягушанки* для нескольких улиц г. Михайловска, расположенных в пойме р. Серьга и их официальные названия ул. *Карла Маркса* и т.п., а также шесть *Неумоек* в пос. Нижняя Салда и их официальные дублеты ул. *Гагарина* и т.п.), создаются эргонимы и прагмонимы, названия астрообъектов и т.п.

Другим направлением наречения без номинации становится переход в имя собственное нарицательного именования объекта по принадлежности к классу. Подобный процесс видится в нарекающих моделях *озеро – Озеро, река – Река*. Обычно подобные имена собственные возникают либо под давлением извне (например, топонимы – по требованию топографов или по настоянию топонимистов-собираателей, уверенных, что «должно же быть у реки какое-то название»), либо под воздействием системного диктата, поскольку наличие не имеющего имени собственного объекта нарушает целостность системы. Аналогичным видится, например, появление названия персонажа по имени *Ребенок* в советском фильме «Красная Шапочка».

В ряде случаев носители языка изначально не нуждаются в имени собственном ввиду единичности объекта. Человечество привыкло называть *солнцем* центр солнечной системы и *землей* планету, на которой оно живет, но актом наречения этим нарицательным именам был придан статус собственных, когда человечество осознало, что оно не одинокое во Вселенной.

Таким образом, наречение как акт создания имени собственного может быть завершающим для процесса характеризующей номинации объекта, а может существовать отдельно либо как акт выбора из имеющегося в традиции перечня потенциальных имен, либо как акт механического перевода нарицательного имени в ранг собственного. Однако в любом случае наречение обязательно, поскольку акту наречения

именем собственным в языке соответствует акт присвоения в бытии: давая имя собственное, носитель языка тем самым определяет статус объекта как особого, неповторимого, демонстрирует свое знание о его уникальности. Очень ярко этот феномен проявляется в тех случаях, когда имя собственное получают объекты классов, традиционно не имеющих собственных именований. Например, имена мечей рыцарей, деревьев, уникальных артефактов возникают чаще всего в результате акта наречения их хозяином, т.е. акт наречения закрепляет акт присвоения, делает его особо значимым.

Наречение как особый акт присвоения имени реализуется везде, где создание нового имени носит авторский характер – например, при назывании новых сортов растений, новых терминов и др., – но для собственного имени акт наречения обязателен и может быть признан одной из определяющих специфических черт онома.

Представляется, что целый ряд моделей, традиционно признаваемых номинативными, можно считать моделями наречения, если в процессе их создания исключен познавательный импульс, предполагающий учет в имени свойств объекта. В частности, это наречение искусственным звукокомплексом (например, *газ*), аббревиатурой, внешне совпадающей с узуальной лексемой (например, *ФИГА* – «фильмы исторические, героические, авантурные» – название киностудии при городском детском клубе «Каравелла»; как рассказывают авторы именования, оно возникло из реакции на обывательское высказывание: «Фига у вас получится, а не киностудия» – в ответ на что прозвучало: «Ах, фига! Ну, вот и назовем студию “ФИГА”!»), меморативное наречение (площадь *1905 года*), создание названий-посвящений (гора *Благодать*), и т.п. Другое дело, что изначальное обязательное совмещение именования с процессом познания сохраняется до сих пор как внутренняя интенция, поэтому многие процедуры наречения находят продолжения в попытках задним числом увидеть в названии отражение свойств объекта – отсюда, например, семантизация отфамильных прозвищ, возникающих первоначально как чисто формальное усечение фамилии (*Серков* – *Серый* – *Волк*, *Карпов* – *Карп* – *Золотая Рыбка* и т.п.).

Таким образом, можно представить себе следующие позиции, определяющие возникновение имени: естественная номинация с последующим входом одного из вариантов имени в узус; естественная номинация с последующим наречением объекта; искусственная номинация с последующим наречением объекта; собственно наречение вне номинативного процесса. Имя собственное может возникнуть в результате только тех из перечисленных процессов, которые связаны с наречением.